

Ван Чанцзинь лежал на земле довольно долго. Наконец придя в себя, он с трудом приподнялся и сел.

Он раскрыл ладони и посмотрел на золотого кролика, который целым и невредимым лежал у него на руке. Ван Чанцзинь с облегчением выдохнул, и уголки его рта скривились в натянутой улыбке.

В конце концов вещь удалось вернуть.

Спотыкаясь, он поднялся на ноги, подошел к колодцу и заглянул в ведро, доверху наполненное водой. Сам того не желая, он снова поморщился, плеснул на лицо несколько горстей холодной воды и кое-как привел себя в порядок, после чего вышел со двора.

Хотя предмет был у него, Ван Чанцзинь всё равно не осмеливался сразу идти к Чжан Жоюаню. Он нашел какое-то местечко, присел там и просидел так до самого вечера.

Небо вот-вот должно было совсем потемнеть, а вечно бегать он не мог: на огне всё еще варилось вечернее лекарство, которое нужно было отнести Чжан Жоюаню.

Побродив туда-сюда еще немного и поняв, что дальше тянуть нельзя, Ван Чанцзинь наконец поднялся.

Держа в руках чашу с лекарством, он, опустив голову, вошел в комнату.

Чжан Жоюань обессиленно сидел на кровати. Увидев, что тот вернулся, он слабым, еле слышным голосом спросил:

— Выкупил вещь?

Ван Чанцзинь вытащил вещь из-за пазухи и протянул Чжан Жоюаню.

Увидев, что тот благополучно добыл предмет обратно, Чжан Жоюань с облегчением вздохнул, снял с запястья красную нить и бережно надел на нее золотого кролика.

Негромконько произнес Чжан Жоюань:

— Ты тоже целый день на ногах, иди отдохни.

Синяки и ссадины на лице Ван Чанцзиня не могли пройти так быстро. Сегодня вечером Чжан Жоюань был слаб, к тому же в комнате горел тусклый свет свечей, поэтому ему кое-как удалось всё скрыть, но впредь нужно было быть осторожнее.

На третий день, когда Ван Чанцзинь помогал Чжан Жоюаню переодеваться, тот наконец заметил неладное.

— Что с тобой? Почему ты последние дни всё время ходишь с опущенной головой?

Заикаясь и запинаясь, Ван Чанцзинь ответил:

— Ничего... м-м, ничего особенного.

— Обиделся, что я пару дней назад отчитал тебя? Какой же у тебя, у слуги, норов гордый, — легкомысленно бросил Чжан Жоюань.

Ван Чанцзинь машинально поднял голову и, испуганно и торопливо забормотал:

— Вовсе не из-за этого!

Стоило Чжан Жоюаню взглянуть на распухшее, похожее на паровую булочку лицо Ван Чанцзиня, как его собственный лик мгновенно помрачнел.

— Кто тебя избил?

Тут Ван Чанцзинь сообразил, что от недавнего волнения выдал себя. Он торопливо отвернулся и тихо пробормотал:

— Споткнулся по дороге, случайно ударился.

В смешке Чжан Жоюаня прозвучала насмешка:

— Шишка на лбу еще похожа на след от удара, но раны на обеих щеках — неужели тоже от падения?

Это в какой же позе надо было упасть, чтобы так изуродовать всё лицо.

Ван Чанцзинь отвык от того, чтобы Чжан Жоюань смотрел на него столь пронзительным, давящим взглядом. И пусть Чжан Жоюань, возможно, не желал ему зла, ему это всё равно не нравилось.

— Говори честно, кто тебя побил?

...

— Не хочешь говорить?

Волей-не-волей Ван Чанцзиню пришлось сказать правду.

— Чжу Сы избил.

— За что он тебя ударил? — продолжал допытываться Чжан Жоюань.

Теперь Ван Чанцзинь пробормотал:

— Я... я случайно задел его.

Чжан Жоюань вдруг коротко хмыкнул, и лицо его помрачнело:

— Бьешь собаку — оглядывайся на хозяина. Хорошо, просто прекрасно.

Последние дни он отчетливо видел, как ведут себя слуги в поместье: каждый смотрит на людей свысока, целыми днями только и делают, что бьют баклуши — о каких порядках тут вообще может идти речь!

Посмотрев на лицо Ван Чанцзиня, Чжан Жоюань смягчил тон:

— Ладно, я сдери с него за это.

Ван Чанцзинь опешил, не до конца уловив смысл его слов.

<http://bllate.org/book/21904/2275532>